

Соотношение правопорядков и иерархия международных и национальных норм: новые вопросы и подходы к их решению в практике Конституционного Суда России

Мария Филатова*

Современное развитие правовых систем и их взаимодействие порождают всё новые вопросы как теоретического, так и практического характера. Участие России в различных интеграционных образованиях ставит перед российским правоприменителем новые проблемы, попытки решения которых предпринимались, в частности, Конституционным Судом России. Вновь поднимается вопрос об иерархии конституционных и наднациональных норм, преодолении конфликтов между ними и взаимодействии национальных (в первую очередь, конституционных) и наднациональных судов. В частности, в 2015–2016 годах Конституционный Суд РФ сделал шаг вперёд на пути к выработке новой правовой методологии разрешения противоречий между наднациональными актами (в том числе Евразийского экономического союза, а также Европейского Суда по правам человека) и конституционными принципами и положениями. В основу этой методологии легла доктрина контрлимитов, ранее разработанная в ходе взаимодействия Европейского Союза и правовых систем его стран-участниц (в том числе Германии и Италии). На основе анализа указанной доктрины и её генезиса в статье исследуются перспективы применения этой доктрины в российском правопорядке и степень её достаточности для разрешения потенциальных конфликтов между национальными и наднациональными нормами. Отмечается, в частности, что данная доктрина, будучи скорее «методом сдерживания», не предназначена для рутинного применения и служит, скорее, средством обеспечения диалога правопорядков, а не усугубления конфликтов между ними.

→ *Право Евразийского экономического союза; соотношение конституционных и наднациональных норм; доктрина контрлимитов; исполнение решений Европейского Суда по правам человека*

DOI: 10.21128/2226-2059-2016-3-88-100

1. Участие России в Евразийском экономическом союзе: новые проблемы теоретического и практического характера

Вопросы о соотношении правовых норм различного уровня и их толковании на национальном и наднациональном уровне остаются, пожалуй, одними из наиболее обсуждаемых в российской юридической жизни.

В авторитетных зарубежных исследованиях отмечается, что проблема соотношения

юридических норм и правопорядков так и не получила своего достойного разрешения, соответствующего современному уровню развития международных правоотношений, а её теоретическое наполнение мало изменилось со времён теории Г.Кельзена¹. Между тем сосуществование правовых систем различного уровня и их взаимодействие требуют новых решений и подходов, которых «классические» теоретические концепции не предлагают. Как

* Филатова Мария Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: filama.gm@gmail.com).

¹ См., в частности: *Bonnet B.* Repenser les rapports entre les ordres juridiques. Paris : Lextenso éditions, 2013; *Ost F., Van de Kerchove M.* De la pyramide au réseau? Pour une théorie dialectique du droit. Bruxelles : Publications des Facultés universitaires Saint-Louis, 2002. Основные положения теории Кельзена об иерархии правовых норм см.: *Kelsen H.* General Theory of Law and State. New York : Russel and Russel, 1961.

следствие, возникает потребность в новых теоретических обоснованиях.

Значение указанных проблем для российской правовой системы — как прикладное, так и теоретическое — связано с тем, что Россия сегодня является членом различных интеграционных образований; с большой вероятностью число этих образований будет возрастать, что не может не влиять на «правовой ландшафт» государства, который усложняется, и классическая проблема соотношения наднационального и национального права дополняется новыми вопросами о взаимодействии правовых систем различного уровня и способах преодоления конфликтов между ними.

Участие России в Евразийском экономическом союзе (*далее также* — ЕАЭС) ставит перед страной подобные новые вопросы. Хотя де-юре ЕАЭС как наднациональное образование существует лишь с 1 января 2015 года, де-факто он продолжает держать курс на развитие интеграционных процессов, начавшихся с создания Таможенного союза в 1995 году и продолженных в рамках его трансформации в ЕАЭС. Неизбежные параллели между моделями ЕАЭС и Европейского Союза (*далее также* — ЕС) не отменяют многочисленных различий, существующих между этими двумя образованиями, но в то же время нельзя игнорировать и их сходство, в том числе в вопросах правового регулирования. Более того, на основе уже имеющегося опыта функционирования ЕС именно эти схожие черты позволяют сегодня прогнозировать те вопросы, которые предстоит решать странам — участницам ЕАЭС в ближайшем будущем.

Один из таких вопросов касается значения права наднациональных образований (в том числе ЕАЭС) для российской правовой системы, а также соотношения наднационального права и национального права государств-участников, включая Россию. В праве ЕС сформулирован принцип верховенства права ЕС над национальным правом государств-участников, включая национальное конституционное право (нормы национальных конституций)². Применительно к взаи-

моотношениям правопорядков ЕАЭС и его государств-участников подобный принцип не был сформулирован и вряд ли стоит ожидать его в обозримом будущем (что, однако, не исключает такой возможности в более отдалённой перспективе).

В то же время мы видим очевидное сходство в постановке некоторых других вопросов, касающихся соотношения правовых норм Евразийского экономического союза и национальных правовых систем его государств-членов. В частности, это касается специфики права ЕАЭС: как и право ЕС, это право наднационального интеграционного образования характеризуется значительным своеобразием (по сравнению с «классическим» международным правом)³. Прежде всего, правовую основу деятельности ЕАЭС образует совокупность различных видов нормативных актов. Например, статья 2 Договора о Евразийском экономическом союзе⁴ «Определения» упоминает несколько видов актов, принимаемых в рамках ЕАЭС:

— «международные договоры в рамках Союза» — международные договоры, заключаемые между государствами-членами по вопросам, связанным с функционированием и развитием Союза;

— «международные договоры Союза с третьей стороной» — международные дого-

любые нормы права ЕС имеют приоритет по отношению к нормам национального права, в том числе закреплённым в конституционных нормах стран-участниц. Интересно, что в договоре об учреждении Европейского Сообщества (Римский договор 1957 года) принцип верховенства права ЕС не упоминался, он является результатом практики Суда ЕС, ярким примером судейского активизма и в определённой степени ориентиром для Суда ЕАЭС. Своё дальнейшее развитие данный принцип получил в деле *Simmenthal* (Case 106/77, *Amministrazione delle Finanze dello Stato v Simmenthal SpA* [1978] ECR 629), давшем начало одноименной «доктрине Симменталь», а в дальнейшем был подтверждён в Декларациях-приложениях к окончательному Акту Межправительственной конференции, принявшей Лиссабонский договор (Декларация 17 относительно принципа верховенства: исходя из сложившейся практики Суда справедливости ЕС, Договоры и принятое на их основе право Союза обладают приоритетом по отношению к праву государств-участников, при условиях, изложенных в указанной практике Суда ЕС).

³ Один из наиболее полных обзоров точек зрения на соотношение коммунарного права и национального права государств — членов ЕС (в том числе национальных конституций) см.: *Bonnet B.* Op. cit. P. 64–78. См. также: *De Aranzo Ch.* Justice constitutionnelle et justices européennes des droits de l'homme: Etude comparée: France-Allemagne. Bruxelles: Bruylant, 2009.

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29 мая 2014 года) (ред. от 8 мая 2015 года) // СПС «КонсультантПлюс».

² Этот принцип впервые был сформулирован в решении (в то время) Суда справедливости Европейских Сообществ по делу *Costa v. Enel* от 15 июля 1964 года (Case 6/641). В соответствии с позицией Суда ЕС, выраженной в указанном решении,

воры, заключаемые с третьими государствами, их интеграционными объединениями и международными организациями;

— «распоряжение» — акт, принимаемый органами Союза, имеющий организационно-распорядительный характер;

— «решение» — акт, принимаемый органами Союза, содержащий положения нормативно-правового характера.

Таким образом, уже в основах регулирования деятельности Союза выделяются различные виды принимаемых им актов, имеющих нормативное значение, но дифференцированных с точки зрения статуса и соотношения с иными нормативными актами, в том числе принимаемыми на национальном уровне⁵. Однако эта дифференциация не урегулирована ни в актах самого Союза, ни в праве национальных государств, что и вызывает анализируемые ниже проблемы. Так, например, акты, принятые Евразийской экономической комиссией — постоянно действующим органом Евразийского экономического союза, являются актами исполнительного органа наднационального (интеграционного) образования, соответственно, имеют другую природу и статус по сравнению с «обычными» (классическими) международными договорами. Однако в российской правовой системе формально различий между этими видами актов не проводится, хотя с сущностной точки зрения различия очевидны. Решать вопрос о возможной дифференциации таких актов, их статусе и правовых последствиях предстоит правоприменительной практике.

Кроме того, право Евразийского экономического союза, подобно праву Европейского Союза, включает в себя в качестве очень важной составляющей части практику наднационального суда — Суда ЕАЭС, целью деятельности которого является обеспечение единообразного применения права ЕАЭС всеми государствами-участниками и органами Союза⁶. По мнению Т.Н. Нешатаевой, в настоящее время перед Судом стоят три ос-

новные задачи: формулирование единых правовых принципов евразийской интеграции; развитие идей интеграции, закреплённых в договорах; наконец, поддержание баланса сил, сдержек и противовесов в деятельности наднациональных и межгосударственных органов Союза⁷. Статус прецедентов Суда пока исчерпывающим образом не определён в российской правовой системе; Статут Суда ЕАЭС — Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе — также содержит очень осторожные формулировки на этот счёт. В частности, пункт 114 Статута устанавливает, что в случае неисполнения решения Суда государство-член вправе обратиться в Высший Евразийский экономический совет с целью принятия необходимых мер, связанных с его исполнением. Таким образом, внятный механизм исполнения решений Суда (а точнее, преодоления их неисполнения) в Договоре отсутствует.

Соответственно, возникают вопросы о способах сглаживания возможных противоречий между наднациональными нормами и нормами национального права, которые нельзя исключать и в будущем.

2. Российская практика: подходы Конституционного Суда России к разрешению проблем

Недавние решения российского Конституционного Суда дали толчок к обсуждению целого ряда проблем, возникающих в сфере соотношения юридических норм и актов различного уровня.

1. Возможно ли в принципе оспаривание вступившего в силу международного договора Российской Федерации? Если да, то в каком порядке и, в частности, возможна ли проверка конституционности такого договора Конституционным Судом?

2. Существуют ли какие-то отличия в статусе классических актов международного права и актов, принятых уполномоченными органами наднационального образования (решений Евразийской экономической комиссии, Суда ЕАЭС), с точки зрения возможной проверки этих актов?

⁵ На особенности нормативных актов, принимаемых наднациональными органами интеграционных образований, обращают внимание и другие исследователи (см., например: *Исполинов А.С.* Национальные суды и международное право: принуждение к дуализму // *Будущее международного права: сборник статей / под ред. К.А. Бекашева. М.: Проспект, 2016. С. 129.*

⁶ Пункт 2 Статута Суда ЕАЭС (Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе).

⁷ См.: *Нешатаева Т.Н.* Единообразное применение — цель Суда Евразийского экономического союза // *Международное правосудие. 2015. № 2(14). С. 115–125.*

3. Одинакова ли юридическая сила у всех международных актов в российской правовой системе (в зависимости от органа, принявшего этот акт, процедуры принятия и наличия одобрения государствами содержания документа в «классических» процедурах международного права)?

4. В случае установления нарушения международным актом основополагающих принципов российского права (в том числе установленных Конституцией) может ли этот акт применяться в правовой системе Российской Федерации? Если нет, то какие юридические инструменты имеются для того, чтобы обосновать такое неприменение?

Очевидно, что большинство вопросов, по крайней мере в практической их плоскости, для российской правовой системы новые. Однако и теоретический срез проблемы оставляет их открытыми. Рассмотрим указанные вопросы подробнее.

3 марта 2015 года Конституционный Суд России принял Определение № 417-О⁸, выводы которого были подтверждены и уточнены в целом ряде последующих решений Суда. В данном деле Конституционный Суд по запросу Арбитражного суда Центрального округа рассматривал вопрос о конституционности Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза, утверждённого решением Комиссии Таможенного союза от 15 июля 2011 года № 728⁹. Напомним вкратце обстоятельства дела: российское законодательство, действовавшее до принятия Таможенного кодекса Таможенного союза в 2009 году, предусматривало освобождение от уплаты таможенных платежей на товары, ввезённые иностранным участником российского общества в качестве вклада в уставный капитал. Такое освобождение сохраняло силу даже в тех случаях, когда иностранный участник в последующем выходил из российского юридического лица. Принятый Комиссией Таможенного союза Порядок, напротив, устранил эту льготу и установил обязанность уплаты таможенных платежей в

случае выхода иностранного участника из российского общества, причём даже в отношении тех лиц, которые завезли товары (воспользовались указанной льготой) до принятия и вступления в силу Порядка, то есть указанным положениям была придана обратная сила.

Коротко о статусе оспариваемых норм: согласно пункту 1 статьи 3 Таможенного кодекса Таможенного союза, решения Комиссии Таможенного союза являются одним из составных элементов таможенного законодательства этого интеграционного образования. В соответствии с пунктом 2 статьи 1 Таможенного кодекса таможенное регулирование в Таможенном союзе осуществляется в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза, а в части, не урегулированной таким законодательством, до установления соответствующих правоотношений на уровне таможенного законодательства Таможенного союза — в соответствии с законодательством государств — членов Таможенного союза. Данная формулировка предполагает приоритет норм наднационального таможенного регулирования перед соответствующими нормами национального законодательства государств-участников.

С 1 января 2015 года функционирование Таможенного союза осуществляется в соответствии с заключённым Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией Договором о Евразийском экономическом союзе¹⁰.

Впервые перед Конституционным Судом РФ ставился вопрос о проверке не самого международного договора или федерального закона о его ратификации, а нормативного акта, принятого уполномоченным органом наднационального образования — Комиссией Таможенного союза, действующей на основании этого международного договора. С точки зрения международного права, решения Комиссии Таможенного союза не подлежат ратификации и имеют прямое действие на территории государств — участников Таможенного союза. Акты Комиссии представляют собой решения органа наднационального образования, в которое входит Россия.

⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 марта 2015 года № 417-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 3.

⁹ URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0025561/cuc_26102012_728 (дата обращения: 25.08.2016).

¹⁰ Подробнее о правовом статусе и функционировании Таможенного союза, а затем ЕАЭС см.: Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза / отв. ред. Е. Г. Моисеев. М.: Проспект, 2015. С. 23–50.

Соответственно, как и акты других органов наднациональных образований и международных организаций, акты Комиссии являются частью российской правовой системы и применяются непосредственно, то есть являются актами прямого действия. В 2012 году Комиссия Таможенного союза была преобразована в Евразийскую экономическую комиссию. В настоящее время положения о непосредственном применении решений Евразийской экономической комиссии на территории государств-членов закреплены в пункте 13 Положения о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе).

В данном деле Конституционному Суду предстояло решить вопросы о месте норм наднационального таможенного законодательства в правовой системе Российской Федерации, об их соотношении с российским правом, в том числе с Конституцией, о пределах международных обязательств Российской Федерации в случае противоречия международных норм положениям Конституции или конституционным принципам и о правовых последствиях такого возможного противоречия.

Однако в первую очередь Конституционному Суду предстояло ответить на важнейший вопрос в контексте взаимодействия национальных и наднациональных правовых порядков — о возможности проверки вступивших в силу международных договоров и, в частности, о том, может ли Конституционный Суд рассматривать вопрос о конституционности вступившего в силу международного договора (или основанного на его положениях решения органа наднационального образования).

Попутно отметим, что эта тема возникала и ранее в практике других конституционных судов. В частности, Конституционный суд Италии в известных «постановлениях-близнецах» № 348 и 349, принятых в 2007 году, сформулировал подход применительно к нормам Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которому в случае возможного противоречия между национальной нормой и нормой Конвенции Конституционным судом осуществляется двойная проверка: сначала — национальной нормы на её соответствие Конвенции, а затем — самой нормы Конвенции на её совместимость с по-

ложениями национальной Конституции. Как результат, была признана возможность проверки конституционности положений Конвенции на предмет выявления возможных противоречий Конституции, и в случае обнаружения таких противоречий норма Конвенции должна быть исключена из массива международных норм, интегрированных в национальную правовую систему¹¹.

Подход Конституционного Суда России в этом отношении эволюционирует. В первых делах такого рода его позиция была совершенно недвусмысленной: проверка конституционности вступивших в силу международных договоров невозможна, как и проверка конституционности федерального закона об их ратификации¹².

Однако в дальнейшем подход Суда к этому вопросу существенно изменился если не по форме, то по содержанию. В Определении от 3 марта 2015 года № 417-О Конституционный Суд сформулировал следующее обоснование своей компетенции по проверке наднационального акта (в данном случае — принятого Комиссией Таможенного союза).

Во-первых, Суд указал, что международно-правовое участие Российской Федерации в Таможенном союзе (а значит, добавим, и в других наднациональных образованиях) не образует каких-либо предпосылок для отступления от принципов верховенства Конституции РФ и равенства всех перед законом и судом и не освобождает государство от его конституционной обязанности признавать,

¹¹ Подробнее о данном подходе Конституционного суда Италии см.: *Фриго Д.* Конституция Итальянской Республики и применение Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в национальной правовой системе // Реализация Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод национальными судебными системами: опыт Италии и России. Страсбург : Европейский центр правового сотрудничества, 2013. С. 38–52.

¹² См. определения Конституционного Суда РФ: от 2 июля 2013 года № 1055-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Федерального закона «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision135883.pdf> (дата обращения: 25.08.2016); от 2 июля 2013 года № 1050-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании «Team Niinivirta AY» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 2 статьи 80, пункта 1 статьи 91 и пункта 1 статьи 342 Таможенного кодекса Таможенного союза. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision136123.pdf> (дата обращения: 25.08.2016).

соблюдать и защищать права человека и гражданина, которые должны определять смысл, содержание и применение законов (п. 2 мотивировочной части).

Во-вторых, международное сотрудничество должно основываться на универсальных принципах, в том числе на принципе всеобщего уважения прав человека и основных свобод и принципе правовой определённости, а также обеспечивать согласованный учёт требований Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации. В противном случае основанная на признании всеобщего принципа *pacta sunt servanda* конституционная обязанность Российской Федерации рассматривать заключённые ею международные договоры в качестве составной части своей правовой системы может приводить к нарушению прав и свобод человека и гражданина (п. 2 мотивировочной части).

Таким образом, Конституционный Суд, по сути, сформулировал условия соблюдения Российской Федерацией её международных обязательств: если они не нарушают фундаментальные принципы защиты прав и свобод человека и гражданина, вытекающие как из Конституции РФ, так и из общепризнанных принципов и норм международного права.

Можно утверждать, что в этой позиции Конституционный Суд заложил основы своего рода «иерархии» международных обязательств государства, и наверху этой иерархии — обязательства, которые относятся к защите прав человека и гражданина (и тем самым коррелируют с базовой антропоцентрической идеей, вытекающей из статьи 2 Конституции РФ). Отсюда вытекает и возможность проверки актов Комиссии Таможенного союза (а в более широком смысле — и других органов интеграционных образований) при наличии указанных выше условий.

Что же касается оспариваемых норм, то положения Порядка, принятого Комиссией Таможенного союза, по сути, игнорировали принцип недопустимости придания обратной силы нормам, ухудшающим правовое положение граждан, — принцип, гарантированный в том числе и российской Конституцией.

Конституционный Суд обратил внимание на то, что оспариваемые положения уже были проанализированы Судом Евразийского

экономического сообщества (с 1 января 2015 года — Суд Евразийского экономического союза), который указал на правомерность оспариваемой нормы и её непротиворечие фундаментальным принципам правового регулирования, в том числе в части придания ему обратной силы. С неизбежностью возник вопрос о соотношении позиций Конституционного Суда и Суда ЕвразЭС: мог ли Конституционный Суд в подобной ситуации подвергать сомнению выводы Суда ЕвразЭС?

Анализируя решение Коллегии Суда ЕвразЭС, Конституционный Суд указал, что сами по себе выводы указанного Суда не могут служить основанием для отступления от конституционных требований по защите прав и свобод человека и гражданина не только согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и в соответствии с Конституцией РФ, тем более принимая во внимание прямое указание преамбулы Договора о Евразийском экономическом союзе на необходимость безусловного соблюдения всеми его сторонами принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина (п. 2.2 мотивировочной части Определения № 417-О от 3 марта 2015 года).

Как указывает А. С. Исполинов в аналитическом обзоре выводов Конституционного Суда, сформулированных в Определении от 3 марта 2015 года, «КС РФ рассматривает Суд Союза как административный суд, проверяющий акты органов Союза на предмет их соответствия учредительным договорам, но не более того. Пока ни государства — члены Союза, ни сам Суд Союза не заявили о том, что Суд может и должен проверять решения ЕЭК на предмет нарушения ими прав человека. Равным образом пока отсутствует и каталог прав человека на уровне Союза. Именно поэтому КС РФ чувствует себя не то что вправе, а обязанным проверять акты ЕЭК на своём уровне»¹³.

К этому можно добавить, что, поскольку в цели и задачи деятельности Суда ЕвразЭС (как и в настоящее время — Суда ЕАЭС) не входило обеспечение фундаментального прин-

¹³ Исполинов А. С. Конституционный Суд РФ о своей роли в евразийской интеграции и о диалоге с Судом Союза. URL: https://zakon.ru/blog/2015/03/30/konstitucionnyj_sud_rf_o_svoej_rol_i_v_evrazijskoj_integracii_i_o_dialoge_s_sudom_soyuza (дата обращения: 25.08.2016).

ципа верховенства прав и свобод человека и гражданина, Конституционный Суд РФ взял на себя эту функцию, рассмотрев ситуацию как с точки зрения соблюдения конституционных принципов в этой части, так и с более универсальной — международно признанной антропоцентристской позиции.

Наибольший интерес представляет предложенная Конституционным Судом правовая методология разрешения данного противоречия между актом международного права и фундаментальными конституционными принципами. С одной стороны, в резолютивной части Определения запрос Арбитражного суда Центрального округа был признан «не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьёй 71 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” итогового решения в виде постановления». С другой стороны, в пункте 5 мотивировочной части Суд указал: «*Органы государственной власти Российской Федерации, включая суды, не лишены возможности... применять оспариваемые международно-правовые положения в системе действующего правового регулирования на основании согласованного учёта требований Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и таможенного законодательства Таможенного Союза, не допуская при этом нарушений конституционных прав и свобод граждан и их объединений*» (выделено мной. — М. Ф.).

Эту позицию Конституционный Суд ещё более определённо воспроизвёл в последующих решениях. Так, в Определении от 21 мая 2015 года № 1095-О¹⁴ он указал уже на обязанность органов государственной власти, включая суды, *применять положения указанного Порядка с учётом указанных конституционных принципов и позиций Конституционного Суда, не допуская при этом нарушения конституционных прав и свобод граждан и их объединений*. Кро-

ме того, в Определении от 2 апреля 2015 года № 583-О¹⁵ он ещё раз подчеркнул, что, по смыслу статьи 57 Конституции РФ, прямые запреты, касающиеся придания обратной силы закону, ухудшающему положение лица, служат гарантией защиты прав плательщиков любых обязательных платежей, подлежат применению в отношении нормативного регулирования любого уровня, включая решения Комиссии Таможенного союза.

Указанные выводы (притом что они сформулированы достаточно осторожно и не отражены в резолютивной части соответствующих решений Конституционного Суда) носят принципиально новый характер для российской правовой системы. Конституционный Суд не имеет полномочий для лишения наднационального акта его силы. Единственным выходом для национального правопорядка в случае противоречия этого акта его фундаментальным принципам остаётся неприменение тех положений международного акта или квазинормативных решений наднационального органа (исполнительного или судебного), которые нарушают такие фундаментальные принципы или не отвечают необходимому уровню защиты прав и свобод граждан, существующему на национальном уровне. Фактические последствия применения такой методологии будут аналогичны признанию акта недействующим или противоречащим положениям национальной конституции, но, с точки зрения юридической техники, в этом случае не происходит вторжения национального органа конституционного контроля в компетенцию наднационального органа.

Таким образом, подходы Конституционного Суда к ответу на вопрос о возможности проверки конституционности международных актов эволюционировали от категорического «нет» (в ответ на вопрос о возможности проверки конституционности не только вступившего в силу международного договора, но и федерального закона о его ратификации) к осторожному нащупыванию возможных вариантов неприменения если не самого международного договора, то как минимум решения наднационального органа (нормативного или ненормативного характера), основанного на международном договоре.

¹⁴ URL: <http://doc.ksrfr.ru/decision/KSRFDecision198043.pdf> (дата обращения: 25.08.2016).

¹⁵ URL: <http://doc.ksrfr.ru/decision/KSRFDecision193025.pdf> (дата обращения: 25.08.2016).

3. Значение выводов Конституционного Суда РФ для взаимодействия правопорядков

По нашему мнению, приведённые решения Конституционного Суда явились важным этапом в формировании именно правовой методологии взаимодействия национальной и наднациональных правовых систем. Полагаем, что разработка подобной правовой методологии, в максимальной степени «очищенной» от соображений политической конъюнктуры, является сейчас одной из приоритетных задач российской правовой системы. В этом смысле нельзя не отметить отличие в тональности и аргументации анализируемых определений и тех актов Конституционного Суда, которые касаются исполнения решений Европейского Суда по правам человека (в первую очередь Постановления Конституционного Суда от 14 июля 2015 года № 21-П, принятого по запросу депутатов Государственной Думы и касавшегося оценки конституционности норм, регулирующих возможность исполнения решений Европейского Суда по правам человека¹⁶). Хотя и в том, и в другом случае речь идёт о выработке общих подходов к взаимодействию с наднациональными системами, в решениях, касающихся актов ЕАЭС, упор делается именно на правовую составляющую аргументации. Впрочем, если оставить за скобками некоторую эмоциональность Постановления от 14 июля 2015 года, то суть выводов Суда и в этом Постановлении, и в Определении от 3 марта 2015 года № 417-О, на наш взгляд, в целом одинакова и может быть сведена к следующему.

1. Возможность проверки актов наднационального характера в национальной правовой системе на предмет совместимости с фундаментальными принципами последней (как прямо закреплёнными в Конституции, так и вытекающими из неё) зависит от статуса соответствующего наднационального акта. Если вопрос о проверке конституционности вступившего в силу международного договора как такового, с точки зрения Конституционного Суда, стоять не может, то с актами, принятыми наднациональными органами (как

исполнительными, так и судебными) во исполнение и на основании таких международных договоров, ситуация не совсем однозначна. Нормативный акт, принимаемый соответствующим наднациональным органом во исполнение международного договора (как это было с Порядком, принятым Решением Комиссии Таможенного союза), не является актом, в отношении которого государства — участники соответствующего договора выразили своё согласие: такое согласие касалось лишь самого договора с исчерпывающим перечнем формулировок и положений, каждое из которых обговорено, понятно и, в крайнем случае, допускает оговорку о его неприменении. Решение наднационального органа (как нормативное, так и квазинормативное) принимается уже за рамками этой выраженной воли государств-участников, поэтому здесь возможны (и возникают) разногласия относительно пределов международных обязательств, на которые государство соглашалось. Именно эту мысль, на наш взгляд, попытался выразить Конституционный Суд в вышеприведённых определениях, а также в Постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П.

2. Признание обязательного характера наднациональных актов (международных обязательств Российской Федерации по исполнению наднациональных актов как исполнительных, так и судебных органов соответствующих наднациональных образований) не может служить основанием для отступления от принципа верховенства прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, выполнение государством его международных обязательств имеет пределы в виде фундаментальных конституционных принципов, к нарушению которых может привести применение или исполнение того или иного акта наднационального органа. Наличие сомнений в совместимости таких наднациональных актов с указанными фундаментальными принципами может стать основанием для оценки Конституционным Судом РФ возможности применения (исполнения) таких актов.

3. Если наднациональным актом (в том числе постановлением Европейского Суда по правам человека) затрагиваются принципы и нормы Конституции, Российская Федерация может в порядке исключения отступить от выполнения возложенных на неё обязательств, когда такое отступление является

¹⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 30. Ст. 4658.

единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции РФ.

Важно отметить, что указанные позиции Конституционного Суда РФ уже получили свое отражение в практике других российских судов. Так, абзац третий пункта 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 мая 2016 года № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» воспроизводит указанные выводы Конституционного Суда практически дословно: «Вместе с тем судам необходимо принимать во внимание, что коллизионный приоритет права Союза не может приводить к нарушению прав и свобод граждан (организаций), гарантированных Конституцией Российской Федерации. В частности, при применении норм права Союза, которые устанавливают (изменяют, прекращают) права и обязанности по уплате таможенных платежей, исполнованию таможенных льгот, должен учитываться принцип недопустимости придания обратной силы новому таможенному регулированию, ухудшающему положение участников длящихся правоотношений»¹⁷.

Основания для отступления от международных обязательств Российской Федерации по применению (исполнению) актов, принятых наднациональными органами, на которые сослался Конституционный Суд в упомянутых решениях, представляют собой не что иное, как отсылку к доктрине контрлимитов, выработанной в практике Федерального конституционного суда ФРГ и Конституционного суда Италии применительно к исполнению актов Европейского Союза¹⁸. О появлении этой доктрины заговорили, когда данные конституционные суды указали на возможность отказа от признания верховенства права ЕС в конкретных делах в случае, если нормы последнего не обеспечивают защиту основных прав, гарантированных в национальном праве ФРГ и Италии¹⁹. Доктрина контрлимитов

(counter-limits doctrine) отражает, в более общем плане, проблемы соотношения национального (в особенности конституционного) и наднационального права в современных правовых порядках как на теоретическом, так и на прикладном уровне. Её генезис и существо заслуживают отдельного самостоятельного исследования, которое не является целью настоящей статьи, однако остановимся кратко на основных положениях.

Согласно подходам конституционных судов ФРГ и Италии, границы наднациональной интеграции определяются положениями Основного закона страны, а на сами конституционные суды возлагается обязанность определять эти границы в конкретных делах и при необходимости осуществлять конституционный контроль наднациональных положений²⁰.

Суть доктрины контрлимитов, сформулированной Федеральным конституционным судом Германии в так называемом решении *Solange I*²¹, сводится к следующему: нормы коммунитарного права не обладают абсолютным верховенством над конституционными нормами Германии. Напротив, норма европейского права может быть применена во внутреннем праве, только если она обеспечивает соблюдение Основного закона, а именно прав и свобод, перечисленных в его каталоге основных прав. Конституционный суд оставил за собой право осуществлять контроль над теми нормами европейского права, которые могут нарушить фундаментальные права, гарантированные немецким Основным законом, до тех пор (*So lange*), пока в Европейском Сообществе не будет создан избираемый парламент с законодательными полномочиями и возможностью контроля за соблюдением каталога основных прав. Таким образом, из германского правового порядка решением Федерального конституционного суда должны быть исключены те нормы права ЕС, которые Конституционный суд сочтёт не соответствующими фундаментальным консти-

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 7.

¹⁸ Более подробно о доктрине контрлимитов см.: Филатова М. А. Конфликты конституционных и наднациональных норм: способы преодоления (на примере Европейского Союза и правовых систем государств — членов ЕС) // *Международное правосудие*. 2013. № 4 (8). С. 94–106.

¹⁹ Соответствующие подходы были сформулированы Федеральным конституционным судом ФРГ в деле *Solange I* (BVerfGE 37) (URL: <http://www.bundesverfassungsgericht.de/en/index.html> (дата обращения: 16.09.2016)) и Конституционным су-

дом Италии в деле № 183/73 (URL: <http://www.giurcost.org/decisioni/1973/0183s-73.html> (дата обращения: 16.09.2016)).

²⁰ См.: *Vecchio F.* Fundamental Rights between the European Court of Justice and the New Powers of the French “Conseil Constitutionnel” // *Mediterranean Journal of Human Rights*. Vol. 15. 2011. No. 1–2. P. 189–213, 193.

²¹ BVerfGE 37, 271 2 BvL 52/71 *Solange I* – Beschluß, Decision 29/05/1974.

туционным правам²². К такому выводу Суд пришёл после проведённого сравнения уровня защиты прав в национальном и наднациональном правопорядках.

Очевидно, что этот подход немецкого Конституционного суда вошёл в явное противоречие с провозглашённым Судом справедливости ЕС принципом верховенства права ЕС над любыми национальными нормами, включая конституционные.

Что касается другого конституционного суда, который также считается родоначальником доктрины контрлимитов²³, — Конституционного суда Италии, то его путь к формулированию этой доктрины был намного длиннее и занял без малого 20 лет. Для итальянского Конституционного суда в течение долгого времени (начиная с решения № 183/1973²⁴) обоснованием верховенства права ЕС в национальном правопорядке служила статья 11 Конституции Итальянской Республики, в соответствии с которой «государство соглашается на ограничение его суверенитета, необходимые для обеспечения правовой системы, основанной на мире и справедливости между нациями, при условии соблюдения принципа взаимности». Как отмечается в комментариях, это положение изначально предназначалось для обоснования членства Италии в ООН, но в практике национального Конституционного суда оно получило толкование, существенно отступающее от первоначальных целей («обеспечение правовой системы, основанной на мире и справедливости между нациями»)». В решении 1984 года (так называемое дело *Granital*) Конституционный суд Италии приблизил свою позицию к позиции своих немецких коллег, указав, что, несмотря на признание верховенства права ЕС, в исключительных обстоятельствах возможно от-

ступление от решений Суда ЕС, если последние нарушают фундаментальные принципы национального регулирования²⁶.

Анализ содержания доктрины контрлимитов, отсылку к которой можно увидеть в анализируемых решениях российского Конституционного Суда, показывает, что возможность отступления от принципа верховенства наднационального права в ней связывается с уровнем защиты конституционных прав и свобод, который в национальном правопорядке выше по сравнению с тем, что предлагается в наднациональном акте. То есть основанием для неприменения наднациональных норм является нарушение ими принципа верховенства прав и свобод человека и гражданина, гарантированных национальным правопорядком.

4. Доктрина контрлимитов в российской реальности: каковы перспективы?

Насколько сегодня можно говорить о применимости доктрины контрлимитов во взаимоотношениях российской и наднациональных правовых систем? При ответе на этот вопрос необходимо учитывать тот факт, что доктрина контрлимитов была выработана для отношений между национальными государствами и Европейским Союзом, верховенство права которого над национальным законодательством, включая конституционные положения, уже нашло нормативное закрепление.

В то же время взаимоотношения российского правопорядка и наднациональных систем, в которые на сегодняшний день входит Россия, имеют свои нюансы: если общий принцип верховенства международного права над положениями обычного законодательства стран-участниц не подвергается сомнению, то в отношении конституционных норм ситуация иная. Во всяком случае, на данный момент российская правовая система не признаёт приоритета наднациональных положений перед нормами российской Конституции. Аналогичная ситуация наблюдается и в других государствах — участниках ЕАЭС. Поэтому вопрос о последствиях противоречий, существующих между положениями надна-

²² См.: *De Aranzo Ch.* Op. cit. P.259.

²³ Сам термин «контрлимиты» (controlimiti) был предложен именно в итальянской правовой доктрине итальянским исследователем Паоло Бариле: *Barile P.* Ancora su diritto comunitario e diritto interno // Studi per il ventesimo anniversario dell'Assemblea costituente. Vol. 6: Autonomie et garanzie costituzionali. Firenze: Vallecchi 1969. P. 35–54, 49.

²⁴ Решение Конституционного суда Италии от 27 декабря 1973 года № 183/73, так называемое дело *Frontini*.

²⁵ См.: *Martinico G.* Is the European Convention going to be «supreme»? A Comparative-Constitutional Overview of ECHR and EU Law before National Courts // *European Journal of International Law.* Vol. 23. 2012. No. 2. P.401–424, 405. URL: <http://ejil.oxfordjournals.org/content/23/2/401.full.pdf+html> (дата обращения: 10.09.2016).

²⁶ Решение Конституционного суда Италии от 8 июля 1984 года № 170 (*Granital*).

ционального акта и национальной Конституции (любых, а не только гарантирующих более высокий уровень защиты прав и свобод граждан) в целом остаётся открытым. Доктрина контрлимитов — в случае её применения — даёт на него ответ лишь частично. Однако возможны и другие варианты конфликтов между наднациональными и конституционными нормами, и для этих случаев доктрины контрлимитов уже недостаточно, необходима другая аргументация. В частности, именно такая ситуация имела место в Постановлении Конституционного Суда № 12-П от 19 апреля 2016 года, в котором анализировалась возможность исполнения постановления Европейского Суда по правам человека по делу *Анчугов и Гладков против России* в связи с запросом Министерства юстиции РФ. В этом деле, как известно, уровень ограничений прав граждан, отбывающих уголовное наказание в местах лишения свободы, на участие в выборах на национальном уровне оказался выше в силу прямого запрета, содержащегося в статье 32 (ч. 3) Конституции РФ. Соответственно, доктрина контрлимитов не может быть использована как аргумент в данном деле — на что, по сути, сослались и судьи Конституционного Суда, заявившие свои особые мнения по данному делу.

Таким образом, перенос доктрины контрлимитов на российскую почву в сегодняшних условиях возможен лишь в определённой мере. Он оправдан в ситуациях, когда положения наднационального акта устанавливают больше ограничений прав и свобод граждан (их объединений), чем национальное законодательство (включая конституционные положения). Однако в иных ситуациях вопрос о выработке убедительной методологии, обосновывающей возможность отступления от международных обязательств в исключительных случаях, остаётся открытым.

Конституционный Суд в постановлениях от 14 июля 2015 года № 21-П²⁷ и от 19 апреля 2016 года № 12-П²⁸ сделал попытку «нащупать» такую методологию. Правовую

суть проблемы, стоявшей перед Судом в этих двух делах, кратко можно сформулировать следующим образом: чем может быть оправдан отказ от исполнения международных обязательств? Достаточно ли самого факта противоречия между конституционными нормами и положениями наднационального акта? И противоречие любой ли норме Конституции может являться основанием для такого отступления?

С одной стороны, из статьи 15 (ч. 4) Конституции РФ вытекает лишь инфраконституционный (но не выше уровня Конституции) статус международных договоров Российской Федерации (а значит, и основанных на них актов исполнительных и судебных органов наднациональных образований). Однако, с другой стороны, взаимоотношения национальных и наднациональных правопорядков в современном мире гораздо более сложны и вряд ли могут быть механистически истолкованы на основании одной лишь этой статьи Конституции, без учёта общих конституционных ценностей, главная из которых — вполне антропоцентристская — недвусмысленно выражена в статье 2 Конституции России и в сочетании со статьями 17, 19, 55 и рядом других статей призывает обеспечивать лицу максимальный уровень защиты, вне зависимости от того, какой акт — национальный или наднациональный — этот уровень защиты закрепляет.

Поэтому, на наш взгляд, эта новая «правовая методология» Конституционного Суда требует дальнейшего развития и уточнения. В постановлениях от 14 июля 2015 года и 19 апреля 2016 года Суд предпринял попытку сформулировать ряд более точных критериев, оправдывающих отступление от международных обязательств государства, упомянув в своей аргументации такие объекты защиты, как права и свободы человека и гражданина, государственный суверенитет, высшая юридическая сила Конституции и др.

Вряд ли такой подход можно назвать удачным с точки зрения выстраивания отношений с наднациональными правопорядками. Ведь высшая юридическая сила Конституции охватывает все её положения (и здесь мы вновь возвращаемся к формальному аргументу инфраконституционного статуса международных договоров), а аргумент о необходимости защиты государственного суве-

²⁷ Более подробно анализ постановления Конституционного Суда от 14 июля 2015 года и его аргументации см.: *Бланкенгагель А., Левин И.* В принципе нельзя, но можно!.. Конституционный Суд России и дело об обязательности решений Европейского Суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5 (108). С. 152–162.

²⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 17. Ст. 2480.

решения может рассматриваться в качестве оправдывающего отказ от исполнения любого решения наднационального органа как вторгающегося в сферу ведения уполномоченных органов государства. Не очень убедительным кажется и довод о необходимости учёта прав и интересов других граждан Российской Федерации при исполнении решения наднационального органа: в этом случае все выплаты денежного характера по решениям наднациональных органов следует признать нарушающими права всех граждан России (кроме заявителя, если он таковым является), поскольку выплаты производятся из бюджета Российской Федерации, а значит, ухудшают положение остальных граждан.

Кроме того, в аргументации Конституционного Суда упоминались и ценности, перечисленные в части 3 статьи 55 Конституции, необходимость защиты которых может оправдать ограничение прав и свобод: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства. Однако применение этих критериев требует скрупулёзной оценки баланса ценностей, находящихся на двух «чашах весов», и детальной аргументации, почему защита прав и свобод в конкретной ситуации должна быть менее приоритетной, чем защита указанных интересов публичного характера.

Таким образом, формирование убедительной и чётко выстроенной методологии взаимоотношений правопорядков (назовём её «доктриной контрлимитов на российский манер») остаётся одной из приоритетных задач российской правовой системы. Такая методология нуждается в выстраивании иерархии ценностей, на защиту которых она будет направлена. Особенно важна выработка этих подходов в контексте полномочий Конституционного Суда по определению возможности исполнения актов наднациональных органов, закреплённых в пункте 3.2 статьи 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»; очевидно, что новые запросы такого рода не заставят себя ждать.

При оценке перспектив применения намечившейся методологии к отношениям с наднациональными образованиями российскому правоприменителю — и, конечно, доктрине — предстоит также решить, является

ли она универсальной для взаимодействия со всеми наднациональными системами. Здесь уместно вспомнить, что в европейской правовой доктрине активно обсуждается применимость общих принципов права ЕС (в том числе верховенства над нормами национального права и прямое действие) к «конвенционному праву», то есть к Конвенции о защите прав человека и основных свобод вместе с её толкованием Европейским Судом по правам человека²⁹. Статус актов европейского права и Конвенции неодинаков в разных правовых системах, что может приводить к использованию различных юридических механизмов для преодоления конфликтов между национальными и наднациональными нормами соответствующей природы. Эти подходы — применимость принципов ЕС к Конвенции — также нуждаются в более детальном изучении.

Кроме того, важно понимание изначальной цели разработки доктрины контрлимитов: она предназначалась не столько для обеспечения приоритета национальных интересов перед наднациональными (то есть, по сути, защита собственной правовой идентичности), сколько для «подталкивания» европейских наднациональных органов (на тот момент Суд справедливости европейских сообществ) к обеспечению гарантий защиты прав лиц до уровня, равного или хотя бы сопоставимого с уровнем гарантий, существовавших в национальном праве соответствующих государств³⁰.

Однако ещё один важнейший момент следует учитывать при разработке и особенно при применении подобной методологии: доктрина контрлимитов — это, выражаясь языком военных, скорее инструмент превентивного характера, чем средство «обороны» как таковое. Она используется для обозначения собственной сферы исключительной компетенции — как сигнал для наднационального контрагента, а не как средство уклонения от исполнения международных обязательств. Другими словами, доктрина не рассчитана на рутинное применение в контексте добросовестного исполнения международных обязательств и диалога правовых систем, направленного на согласование и сближение позиций всех участвующих сторон.

²⁹ Об этом см.: *Martinico G.* Op. cit. P.401–424.

³⁰ См.: *De Aranjó Ch.* Op. cit. P.156–157.

Библиографическое описание:

Филатова М. Соотношение правопорядков и иерархия международных и национальных норм: новые вопросы и подходы к их решению в практике Конституционного Суда РФ // Международное правосудие. 2016. № 3(19). С. 88–100.

Relations of legal orders and hierarchy of international and national norms: new issues and solutions in the Russian Constitutional Court's case-law

Filatova Maria

Candidate of Sciences (Ph.D.) in Law, Associate Professor, Department of judicial power, National Research University – Higher School of Economics (e-mail: filama.gm@gmail.com).

Abstract

Modern development of legal systems and their interaction raises new issues of both theoretical and practical nature. The participation of Russia in different integration units makes the Russian law enforcement bodies face new challenges, the attempts to offer solutions of which are taken, in particular, by the Russian Constitutional Court. An issue arises again on the hierarchy of constitutional and supranational norms, overcoming conflicts between them and interaction of national (first of all, constitutional) and supranational courts. In particular, in its decisions of 2015–2016 the Russian Constitutional Court has tried to work out a new legal methodology aimed at solving the conflicts between supranational acts (including those of the Eurasian Economic Union and the decisions of the European Court of Human Rights) on the one hand, and constitutional provisions – on the other. This methodology is based on the counter-limits doctrine worked out earlier in the relationship of the European Union and its Member States (including Germany and Italy). The article focuses on the analysis of this doctrine application perspectives and the degree of its sufficiency for the resolution of potential conflicts between national and supranational norms. It is highlighted, among other conclusions, that the counter-limits doctrine, being rather a means of restraint and not of frequent use, serves rather as a tool to promote the dialogue of legal orders than to aggravate conflicts among them.

Keywords

law of the Eurasian Economic Union; relationship of constitutional and supranational norms; counter-limits doctrine; enforcement of the European Court of Human Rights decisions.

Citation

Filatova M. (2016) Sootnoshenie pravoporyadkov i ierarkhiya mezhdunarodnykh i natsional'nykh norm: novye voprosy i podkhody k ikh resheniyu v praktike Konstitutsionnogo Suda RF [Relations of legal orders and hierarchy of international and national norms: new issues and solutions in the Russian Constitutional Court's case-law]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 3, pp. 88–100. (In Russian).

References

Barile P. (1969) Ancora su diritto comunitario e diritto interno. In: *Studi per il ventesimo anniversario dell'Assemblea costituente. Vol. 6: Autonomie et garanzie costituzionali*, Firenze: Vallecchi, pp. 35–54.

Blankenagel A., Levin I. (2015) V printsipe nel'z'ya, no možno!.. Konstitutsionny Sud Rossii i delo ob obyazatel'nosti resheniy Evropeyskogo Suda

po pravam cheloveka [In principle, impossible, but possible!.. Constitutional Court of Russia and the case on binding character of the European Court of Human Rights judgments]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 5, pp. 152–162. (In Russian).

Bonnet B. (2013) *Repenser les rapports entre les ordres juridiques*, Paris: Lextenso éditions.

De Aranjó Ch. (2009) *Justice constitutionnelle et justices européennes des droits de l'homme: Etude comparée: France-Allemagne*, Bruxelles: Bruylant.

Filatova M. A. (2013) Konflikty konstitutsionnykh i nadnatsional'nykh norm: sposoby preodoleniya (na primere Evropeyskogo Soyuza i pravovykh sistem gosudarstv – chlenov ES) [The conflicts of constitutional and supranational norms: ways of overcoming (on the example of the European Union and legal systems of the EU Member States)]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 99–105. (In Russian)

Frigo D. (2013) Konstitutsiya Ital'yanskoj Respubliki i primenenie Evropeyskoj Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod v natsional'noy pravovoy sisteme [The Constitution of the Republic of Italy and the application of the European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms in the national legal system]. In: *Realizatsiya Evropeyskoj Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod natsional'nymi sudebnymi sistemami: opyt Italii i Rossii* [Realization of the European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms by national judicial systems: the Italian and Russian experience], Strasbourg: European Centre for Legal Cooperation, pp. 38–52. (In Russian).

Ispolinov A. S. (2015) *Konstitutsionny Sud RF o svoej roli v evrazijskoj integratsii i o dialoge s Sudom Soyuzo* [Constitutional Court of Russia on its role in the Eurasian integration and on the dialogue with the Court of the Union]. Available at: https://zakon.ru/blog/2015/03/30/konstitutsionnyj_sud_rf_o_svoej_rol_i_v_evrazijskoj_integracii_i_o_dialoge_s_sudom_soyuzo (дата обращения: 25.08.2016).

Ispolinov A. S. (2016) Natsional'nye sudy i mezhdunarodnoe pravo: prinuzhdenie k dualizmu [National courts and international law: coercion to dualism]. In: Belyashev K. A. (ed.) *Budushchee mezhdunarodnogo prava: sbornik statej* [The future of international law: collection of articles], Moscow: Prospekt. (In Russian).

Kelsen H. (1961) *General Theory of Law and State*, New York: Russel and Russel.

Martinico G. (2012) Is the European Convention going to be “supreme”? A Comparative-Constitutional Overview of ECHR and EU Law before National Courts. *European Journal of International Law*, vol. 23, no. 2, pp. 401–424. Available at: <http://ejil.oxfordjournals.org/content/23/2/401.full.pdf+html> (дата обращения: 10.09.2016).

Moiseev E. G. (ed.) (2015) *Mezhdunarodno-pravovye osnovy sozdaniya i funkcionirovaniya Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza* [International legal basis of setting up and functioning of the European economic Union], Moscow: Prospekt. (In Russian).

Neshataeva T. N. (2015) Edinoobraznoe primenenie – tsel' Suda Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Uniform application – the goal of the Eurasian Economic Union]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 2, pp. 115–125. (In Russian).

Ost F., Van de Kerchove M. (2002) *De la pyramide au réseau? Pour une théorie dialectique du droit*. Bruxelles: Publications des Facultés universitaires Saint-Louis.

Vecchio F. (2011) Fundamental Rights between the European Court of Justice and the New Powers of the French “Conseil Constitutionnel”. *Mediterranean Journal of Human Rights*, vol. 15, no. 1–2, pp. 189–213.